

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Император Фридрих II. — Четвертый крестовый поход и завоевание Константинополя. — Нищенствующие монашеские ордена. — Борьба в Италии и Германии. — Крестовые походы против язычников на северо-западе Европы. — Император Конрад IV

Битвой при Бувине междоусобная война была окончена в пользу Фридриха, и летом 1215 г. было совершено его торжественное коронование в Аахене архиепископом Зигфридом Майнцским как легатом апостольского престола. Уже здесь Фридрих принял на себя одежду крестоносца, и по его внушению многие из князей последовали его примеру. В том же году папа Иннокентий, быстро переходивший от успеха к успеху, собрал в Латеране собор, необычайный по многочисленности съехавшихся на нем епископов, которых насчитывали до 400. На этом соборе вновь было подтверждено низложение Оттона и признание прав Фридриха на престол. Затем собор, принявший в то же время важные меры по управлению церковью и церковной дисциплине, обратился к приготовлениям к новому крестовому походу, идея которого на этот раз исходила прямо от папы и в первое время правления Фридриха составляла как бы центр, вокруг которого все вращалось. И действительно, в начале XIII в. с особой силой вновь возникло движение, лежавшее в основе крестовых походов. При ближайшем рассмотрении нетрудно заметить, что в этом возникновении проявилось уже нечто искусственное, сделанное, что в нем уже сильно сказывался поэтический элемент, и что как церковь, так и ее глава Иннокентий имели свои особые причины напрягать все усилия к осуществлению той мысли, которая сто лет тому назад вызвала такой общий и естественный порыв.

Фридрих II.

И действительно, авторитет церкви в значительной степени зависел от удачи этой новой попытки завоевания Святой земли. Ибо рядом с возрастающим равнодушием высших классов, которые отворачивались от благочестивых предприятий или вносили в них иные, чуждые, не духовные побуждения, перед лицом церковных и светских властей явилось другое зло, постоянно возраставшее и крепнувшее. Этим злом было *еретичество*. Частые противоречия и враждебное отношение к господствующей церкви и ее учению издавна существовали в европейском обществе. Разные сектантские заблуждения, зарождаясь на отдаленных окраинах, в XI в., словно зараза, проявились вдруг в Италии и Южной Франции. Сильное реформаторское движение в церкви, наполнившее собою весь XI в., а затем бурное одушевление крестовых походов несколько сдержали эти первые проявления ересей и отодвинули их на задний план, но вскоре оживление отношений с Востоком и особенно тяжкое

Новые
векания.
Ереси.

разочарование в обновлении церкви и духовного сословия, которое достигло громадного значения и могущества, — все это вновь пробудило в массе те же стремления. В XII в. на юге Франции стала быстро распространяться секта *катаров*, или «чистых»; центром ее распространения была Тулуза. При общей ненависти к духовенству секта стала делать быстрые успехи и вскоре охватила все южные области — Прованс, Гиень, Лангедок, Гасконь. Сектанты в замках баронов проповедовали свое странное учение о падении душ, о добром и злом Боге. Произвольно пользуясь для подкрепления своих дово-

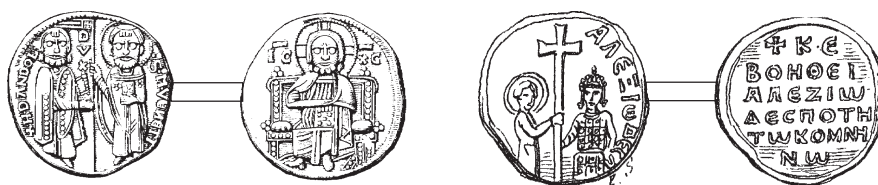
Нищенствующий монах.

дов местами священного писания, они прямо отвергали все, что противоречило в них их спиритуалистическим воззрениям. Они были строгими вегетарианцами и употребление мяса в пищу относили к числу семи смертных грехов. Брак отвергали, принятие в их секту совершалось путем «духовного крещения» (*conso-lamentum*), которое состояло в простом возложении рук на голову крестимого. У них был якобы высший епископ, надзиравший за отдельными общинами, и от 1167 г. дошло известие о том, что в Сен-Фелис-де-Карамане (близ Тулузы) у них был собран настоящий собор. Гораздо ближе по своим убеждениям подходили к библейской истине *вальденсы* — секта, основанная в 1170 г. в Лионе купцом Пьером Вальдо (*Petrus Valdus*). По рассказу священного писания о богатом юноше он раздал все свое достояние бедным и стал проповедником. Стремясь приблизиться к древнейшим христианским воззрениям первобытных христианских общин, вальденсы отрицали значение святых угодников, отвергали возможность получить отпущение грехов через посредство священников, к числу смертных грехов относили и ложь, всякая клятва и всякое кровопролитие воспрещались их законоположениями. Испорченной, по их мнению, видимой церкви с папой во главе они противопоставили церковь «невидимую», и даже в своей среде отличали простых верующих от «праведников», которые жили в нищете и сми-

рении, стараясь подражать Христу. Поначалу казалось, что вальденсы могли бы, пожалуй, не быть изверженными из церкви, но вскоре выяснилось, что они были ее опаснейшими врагами, т. к. в их укорах западной церкви заключалось много справедливого. Именно в них пронизательный Иннокентий III провидел лисиц, которые были способны разорить вертоград Христов. Особенно многочисленны они были в городе Альби (оттуда и наименование их *альбигойцами*), на опасной границе, отделявшей Галлию от Испании и Италии. Здесь природная веселость провансальцев в соединении с суровыми нравами сектантов вызвали упорную оппозицию церкви, которая была предана исключительно мирским заботам; здесь же сектанты, у которых было много приверженцев среди знати, нашли себе горячего защитника и покровителя в просвещенном могущественном графе Тулузском, *Раймунде VI*.

Судьбы Святой земли в это время до такой степени занимали всех, стоявших во главе церкви, что и папа Иннокентий, едва достигнув власти, уже счел своим долгом ревностно приняться за дело освобождения Гроба Господня из-под власти неверных. На мгновение папа предстал в глазах всего европейского общества могущественнейшим монархом. Казалось, цель пап (и особенно папы Иннокентия, стремившегося к ней с полным сознанием) была достигнута. Возвания Иннокентия разнеслись по всему свету — Германии и Франции, Англии, Шотландии, Италии и Венгрии — и в числе посланных им во все

Иннокентий и палестинская церковь.

Слева: венецианская монета. АВЕРС. Дож Энрико Дандоло и святой Марк. РЕВЕРС. Христос на престоле. Справа: серебряная монета Алексея III Ангела (1195–1203). Париж. Нумизматический кабинет.

стороны ревностных проповедников нового крестового похода особенно выделялся священник Фульк из Нейи, всем и каждому вырезавший из своей одежды кресты, которые он раздавал желающим участвовать в походе. И действительно, увлеченные его проповедью, многие из баронов и рыцарей дали обет крестоносцев. Поход должен был начаться из Венеции, а потому главные военачальники крестоносцев вступили в соглашение с тамошним дожем Энрико Дандоло.

Но из этого так называемого *четвертого крестового похода* вышла военная экспедиция мирского характера. Между тем как отдельные группы и целые толпы людей, увлеченных религиозными мечтами, спешили в Сирию из фландрских гаваней, из Марселя и Генуи, главная масса французских крестоносцев в летние месяцы 1202 г. собралась в Венеции: они избрали себе в предводители маркграфа *Бонифация Монферратского*. Тут сразу начались денежные затруднения: оказалось, что у крестоносцев нечем заплатить за переезд на венецианских кораблях за море, а венецианцы не соглашались везти даром. Пришлось вступить в соглашение с дожем Дандоло, хитрым и умным 90-летним старцем. Он предложил крестоносцам вместо платы за морское путешествие оказать Венеции небольшую военную услугу: разорить далматинский город *Задар*, докучавший Венеции морскими разбоями (1202 г.). Город был взят и разорен, и хотя папа Иннокентий разразился жестоким гневом против тех, кто, противно христианскому смирению, дерзнул разорить христианский город (даже подверг их отлучению от церкви), однако же, видимо, не слишком устранил и обуздал разноплеменное полчище крестоносцев. А тут как раз подоспели послы от германского короля, которые ходатайствовали, чтобы флот крестоносцев по пути в Сирию завернул в Константинополь и принял там сторону греческого князя *Алексея Ангела* и

Четвертый крестовый поход.

его отца императора *Исаака*, свергнутого его братом, *Алексеем III*. Направление крестоносцев в сторону Византии, которая в то время находилась в состоянии полнейшего расстройств, очень пришлось по вкусу венецианцам и их старому дожу. Оно было сочувственно встречено и самими крестоносцами, среди которых стремление к рыцарским и иным предприятиям, сулившим добычу, преобладало над благочестивой ревностью освобождения Святой земли. Мало того: даже весьма религиозные люди отнеслись к этой затее благосклонно, соединив с нею смелые надежды на возможность подчинения

Крестоносцы плывут в Святую Землю на генуэзском транспортном судне (1187 г.). Миниатюра из генуэзской лицевой хроники XII в.

восточной церкви под верховную власть святого Петра. Одним словом, флот отплыл из Венеции с 40-тысячным войском и в конце июня 1203 г. бросил якорь в Босфоре; в середине июля было произведено нападение на город, из которого *Алексей III* бежал, между тем как ослепленный *Исаак Ангел* вновь был возведен на трон, и сын его, *Алексей IV*, дан был ему в соправители. Войско крестоносцев расположилось лагерем близ Перы и ждало выполнения обещаний, которые были даны юным императором еще под стенами Задара. Оказалось, что он обещал гораздо более, нежели мог выполнить. Он не мог собрать той громадной суммы, которую задолжал франкскому войску, а о подчинении римскому папе население и слышать не хотело. Тогда в но-

ябре 1203 г. вновь начались военные действия, и в январе 1204 г. в Константинополе разразилась революция, во главе которой дальний родственник Ангелов, *Мурчуфл*, — человек разумный и энергичный. Старый *Исаак Ангел* скончался среди этих смут, *Алексей IV* был удушен приверженцами нового императора, который назвался *Алексеем V* и, собрав все силы, сопротивлялся нападающим до последней крайности, хотя все его попытки сразиться с ними в открытом поле показывали, что византийцы не могут тягаться в мужестве с западным рыцарством.

Богатая добыча, которую надеялись получить в Константинополе, уже заранее была поделена в лагере при Пере, по договору, заключенному дожем с Бонифацием Монферратским и важнейшими из военачальников. Флот венецианцев расположился в заливе Золотой Рог, войско крестоносцев высадилось на берег, но первый их штурм 9 апреля окончился неудачно. 12 апреля штурм был возобновлен и вполне удался: одному из французских рыцарей, по имени Пьер Аменьский, богатырю ростом и силой, удалось разбить одни из городских ворот, и масса франков разом ворвалась через них внутрь города.

Завоевание Константинополя. 1204 г. Латинская империя.

В ту же ночь в церкви святой Софии был избран новый император, зять Алексея III *Феодор Ласкарис*, но он вскоре вынужден был убедиться в невозможности дальнейшего сопротивления и бежал на азиатский берег. Тщетно на другой день старались вожди войска остановить безобразный грабеж и нескончаемые убийства, которые крестоносцы творили среди беззащитного населения Константинополя. Когда наконец злобная месть их была удовлетворена, вожди приступили к устройству завоеванного государства. 9 мая 1204 г. граф *Балдуин Фландрский* был единогласно избран императором новой Рим-

Слева: монета Алексея V Мурчуфла (1204 г.). Париж. Нумизматический кабинет.
Справа: печать Балдуина I, императора Латинской империи.

ской империи. Его соперник, Бонифаций Монферратский, удовольствовался Фессалонийским королевством. Был избран и римско-католический патриарх: добыча, доставшаяся победителям в виде земельных владений и движимого имущества, была поделена пополам между Венецианской республикой и участниками этого мнимого крестового похода, которые поставили себя в ленную зависимость от нового императора. Таким образом, эта *Латинская империя* стала плохим подражанием дурному образцу — Иерусалимскому королевству и первой попытке установить господство франков на Востоке в 1099 г., и, конечно, ей предстояло погибнуть от собственной слабости еще скорее, чем погибло это королевство.

Разумеется, нечего было и думать, чтобы эта новая империя могла оказать хоть какую-нибудь поддержку христианам в Святой земле, т. к. она сама еле могла держаться, отражая нападения старых врагов Византии, *болгар*, подавляя ненависть местного населения к пришельцам и ведя борьбу со свергнутой династией, представители которой основались неподалеку от Константинополя, в *Никее*. О завоевательных планах относительно Святой земли здесь, по видимому, никто и не помышлял, а между тем папа Иннокентий III энергично продолжал проводить мысль о необходимости вторичного завоевания Святой земли и освобождении священного города из-под власти неверных. Три первых десятилетия XIII в. были переполнены мечтаниями о походах. Особенно характерно это настроение времени выразилось в двух чрезвычайно уродливых извращениях, которые были вызваны эти вторым, более или менее искус-

Идеологический тупик идеи крестовых походов.

ственным расцветом идей, лежавших в основе крестовых походов: в *крестовом походе детей* 1212 г. и в одновременно происходившем первом *крестовом походе против еретиков*.

Крестовый поход детей.

Местом действия обоих походов была Южная Франция. Пламенные речи некоторых чересчур ревностных проповедников, к которым взрослые люди из простонародья и особенно высшие сословия относились уже равнодушно, — возбуждающе подействовали на умы детей и подростков и сообщили им неудержимое одушевление, которое быстро распространилось. Вскоре большие толпы мальчиков и девочек собрались отовсюду, увлекаемые благочестивыми мечтаниями о том, что, по словам священного писания, им, «младенцам», будет дарована свыше возможность завоевать Святую землю. Руководимые монахами-фанатиками, эти толпы стекались в Марсель, чтобы оттуда отплыть на Восток. Церковные власти в данном случае держали себя весьма двусмысленно; само движение было для них выгодно, и, может быть, многие из духовных лиц уповали даже на возможность удачи этого безумного предприятия. Поэтому духовенство не препятствовало этой несчастной затее и дало возможность бедствию достигнуть такого предела, когда уже никакая власть не в силах была его остановить. К толпам несчастных мальчиков и девочек, которые выросли до нескольких тысяч, пристал всякий сброд, в том числе и разные промышленники из работорговцев и поставщиков на невольничьи рынки. Часть детских толп, предводимая мальчиком, действительно, от берегов Рейна успела добраться до Бриндизи — и здесь была остановлена епископом, который разумно не дозволил юным крестоносцам отплыть далее. Другие толпы детей отправились в Геную, сели на корабли и были проданы в рабство; некоторые корабли были бурей прибиты к восточным берегам Адриатики, и несчастные дети массами погибли от голода и холода.

Печать графа Раймунда VII Тулузского.

В то же самое время подготавливался иной крестовый поход, суливший и богатую добычу, и всякие иные блага при весьма небольшой затрате усилий и весьма немудреной службе, для которой вовсе не нужно было пускаться за море. Один из миссионеров, посланных в Тулузское графство для обращения еретиков, некий Пьер Кастельно, был убит одним из служилых людей графа Раймунда Тулузского, который уже давно был в немилости у папы за то, что не хотел применять суровых мер против своих трудолюбивых и ни в чем не повинных подданных, да и другим не давал их в обиду. После убийства Пьера Кастельно папа разрешил *крестовый поход против еретиков*, и многочисленное войско собралось с этой целью в Лионе (1209 г.) под началом ревнителя веры, графа *Симона Монфора* и монаха-фанатика Арнольда, настоятеля аббатства Сито (Citeaux), назначенного папским легатом. Первым крупным

Крестовый поход против еретиков.

воинским подвигом было взятие штурмом Безье, при котором беспощадно было перебито не менее 20 тысяч человек, составлявших население города. Затем война или, правильнее сказать, неистовое опустошение и разграбление богатой страны длилось очень долго. Наконец граф Тулузский вынужден был вступить в переговоры: однако условия, которые были ему предложены в 1211 г. в Арле, до такой степени были безобразны, что он снова взялся за оружие. При Мюре, на юго-запад от Тулузы, на Гаронне, Раймунд вместе со своим союзником Педро II, королем Арагонским, решился сразиться в открытом поле с Симоном Монфором и его крестоносцами и был разбит (1214 г.). Все земли, завоеванные в этом крестовом походе, были переданы во владение графу Симону — главному вождю этого столь угодного церкви воинского предприятия. Однако спокойствие еще долго не могло быть установлено в этой местности, разоренной войной. Полное умиротворение наступило только тогда, когда граф Симон уступил наконец все свои права на Тулузское графство французской короне, к владениям которой графство и было присоединено в 1249 г.

Во время всех этих кровавых усобиц и среди попыток осуществления общего крестового похода Иннокентий III умер, на 54-м году жизни, в Перудже (1216 г.); умер в полном расцвете своего могущества, во главе церкви, которой он успел создать прочную догматическую основу и придать ее организации окончательную форму. Его преемник, старец *Гонорий III*, оказался не менее ревностным в своей церковно-административной деятельности. Одним из первых деяний его духовного правления было утверждение новых орденов монашества, которые служат знаменательным выражением несколько искусственного, чтобы не сказать болезненного, религиозного возбуждения того времени: первым из этих орденов был орден *доминиканцев*; вторым, несколько лет спустя, — орден *францисканцев*. Первый из этих орденов, доминиканский, возник на почве борьбы с еретиками: основатель ордена *Доминик де Гусман*, духовное лицо из знатного кастильского рода, долго странствовал по Южной Франции, пытаясь обращать еретиков на путь правой веры. Главным делом учрежденного им ордена стала проповедь правоверия, которая ставилась в обязанность каждому монаху-доминиканцу; впоследствии этому же ордену была поручена *инквизиция*, т. е. расследование или выслеживание остатков еретической заразы, и эта новая обязанность, порученная им и представлявшая весьма растяжимое понятие, послужила главным отличием доминиканцев от всех иных монашеских братств. *Обет бедности* в смысле полного отречения от мирских благ, вследствие которого

Доминиканец.

Нищенствующие ордена монашества.

Франциск Ассизский проповедует перед папой Гонорием III. Фреска Джотто в церкви святого Франциска в Ассизи.

обоим орденам было дано наименование *нищенствующих* орденов, доминиканцы переняли от францисканцев, которые также предназначили себя на борьбу с еретичеством, но в более утонченной форме. Та оппозиция против слишком явного проявления мирских стремлений церкви, которая выразилась в учении вальденсов или альбигойцев, в среде последователей и учеников *святого Франциска* незаметно обратилась в силу, действующую по указаниям церкви. Франческо, сын богатого купца в *Ассизи* (в округе Перуджи), в своем учении исходил из тех же начал евангельского учения, с которых начинал свою деятельность Пьер Вальдо: «Вы это получили даром, даром и давайте», — говорит Христос своим ученикам, посылая их на проповедь и увещевая не захватывать с собою ни денег, ни посоха, ни обуви на

дорогу. Но Франциск придал особое, выдающееся значение тому, что было лишь прямым следствием христианского учения о ничтожестве земного мира и всех его благ. Собрав около себя единомышленников, Франциск создал для них целую житейскую систему, на основании изречений, заимствованных из «нагорной проповеди» Христа. И вот, облекшись в темные балахоны, подобие местной одежды низших классов народа, подпоясанные веревкой, францисканцы разбрелись повсюду, проповедуя всем безвозмездно и подерживая свое существование милостыней; Гонорий дал этим «*Fratres minores*» — «меньшим братьям» или *миноритам* — право повсеместной проповеди и исповеди, и таким образом оба ордена, благодаря строгому обету нищенства приобретшие общее расположение в народе, в короткое время приобрели огромное значение и могущество. И они стали около папского престола, в качестве преданного, никаким имуществом не отягощенного и всегда готового к бою воинства; а папский престол вскоре после того пришел в положение, при котором это воинство оказалось для него пригодным в борьбе против светской власти императоров — против государства.

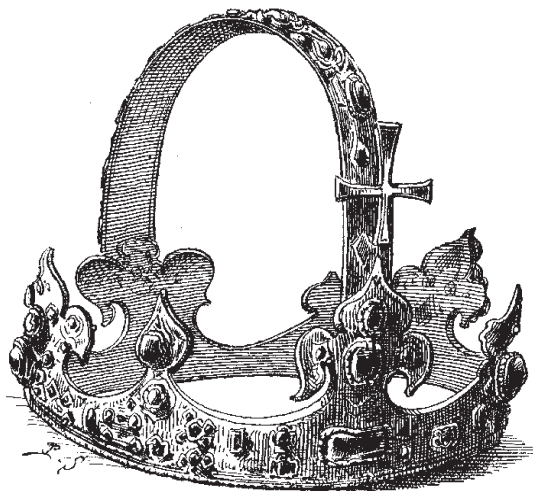
Папе Гонорию, так же как и Иннокентию, не удалось побудить всех к общему и немедленному походу в Святую землю. В 1217 г. венгерский король Андрей переплыл за море в Акру из Сплита во главе довольно большого количества странников-крестоносцев. В следующем году в Палестину приплыла довольно значительная флотилия (от 200 до 300 кораблей) с крестоносцами из рейнских местностей и Фрисландии, уже испытавших силу своего оружия в борьбе с рейнскими маврами. Опираясь на эти и другие, непрерывно прибывавшие подкрепления, то большие, то малые, гроссмейстеры трех рыцарских орденов и *Иоанн Бриеннский*, носивший титул иерусалимского короля, решили завоевать *Египет*, исходя из того совершенно правильного взгляда, что обладание Сирией невозможно без одновременного и надежного владения Египтом. И вот крестоносцы обложили *Дамием* на одном из восточных рукавов Нила и стали осаждать этот город в 1218 г. Египет же в то время находился во власти *Айюбида ал-Камиля*, племянника великого Саладина. Город храбро защищался, и успешному ходу этой обороны способствовали неравномерные прибытия и убытия воинов в войске осаждающих, благодаря которым никакая правильность в военных действиях не могла быть соблюдена; наконец в ноябре 1219 г. город был взят христианами. Но эта удача была мимолетной. Ал-Камиль предложил крестоносцам мир; предложил даже обменять Дамием на Иерусалим. Но во главе христианского воинства стоял один из тех духовных дилетантов, которые вообще пользовались значением во время походов, — папский легат кардинал *Пелагий* высокомерно отверг предложение ал-Камиля. Затем войско смело двинулось вверх по Нилу, но, дурно предводимое, разом очутилось между двух бед — наступающих войск ал-Камиля и искусственного наводнения от спущенных вод Нила. Враг крестоносцев, ал-Камиль, оказался настолько умен и великодушен, что не захотел окончательно погубить крестоносцев и удовольствовался договором, по которому Дамием была ему возвращена, весь Египет очищен от крестоносцев и установлен мир, который в течение последующих восьми лет был

Приготовления к новому крестовому походу. Неудачи на Востоке.

только однажды нарушен одним из западных королей, самолично явившимся с войском в Палестину (1221 г.).

**Фридрих
и папа.**

Из вышеизложенного ясно, что после этой неудачи и договора взоры всех более чем когда-либо обратились на первого и могущественнейшего из венценосцев — на *Фридриха II* и что в кругу ревнителей церкви на него стали негодовать за медлительность, которой и приписывали эту неудачу. С современ-
ной точки зрения подобные обвинения представляются странными, т. к. священнейшей обязанностью государя в положении Фридриха было, конечно, внутреннее устройство стран, которые были поручены его управлению. Только в 1218 г. смерть Оттона IV несколько развязала ему руки: в Госларе брат Оттона, пфальцграф Генрих, передал ему императорские регалии. Тогда начались переговоры о короновании императора. В одном из актов, данных в Страсбурге в 1216 г., Фридрих обещал папе Иннокентию, что он тотчас после венчания императорской короной передаст своему сыну *Генриху* Сицилийское королевство как лен

Императорская корона. Позолоченное серебро. Украшена драгоценными камнями. XIII в.

римской церкви — как он и сам им владел — и на время малолетства сына назначит туда регента по усмотрению папы. Фридрих подтвердил и папе Гонорию III (1220 г.) это обещание, которое касалось одного из насущнейших для римской курии вопросов, однако намекнул, что он от его «отеческой благодати ожидает в будущем отмены этого уговора». В том же году Генрих, уже прежде возведенный в герцоги Швабские, был избран в *короли*: императорская власть и сицилийская корона были отделены от германской короны. В соправители и советники своему сыну Фридрих дал архиепископа Энгельберта Кельнского, устроив таким образом государственное управление на время предстоящего отсутствия. И папе также с особой настойчивостью он указывал на то, что и не помышляет о слиянии императорской власти с обладанием сицилийской короной, да и за приготовления к крестовому походу принял, похоже, весьма серьезно. Но не следует забывать, что Фридрих был тонким, прирожденным дипломатом и рано успел при папском же дворе пройти хорошую школу лицемерия. И вот он отправился в Италию, в ноябре того же года был коронован в Риме императорской короной вместе со своей супругой Констанцией и возобновил обет крестоносца. Папа выказал себя к нему вполне благосклонным, тем более, что Фридрих охотно вызвался оказать духов-

ным судам помощь со стороны светской власти в борьбе с еретиками. Затем он послал в Египет подкрепления, которые прибыли как раз когда разразилась Нильская катастрофа, а сам отправился в Сицилийское королевство и там твердой рукой восстановил совершенно расшатанный порядок, сделал или, по крайней мере, подготовил кое-какие немаловажные преобразования во внутреннем строе королевства и ревностно приказал собирать деньги на пред-

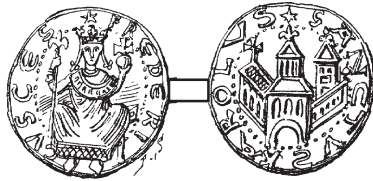

Оттиск печати Фридриха II (1215–1250). С акта в городском архиве Франкфурта-на-Майне.

Надпись по кругу: «FRIDERICVS D(e)I GRA(tia) ROMANOR(um) REX ET SEMP(er) AVGVST(us) ET REX SICIL(iae)».

стоящий крестовый поход. Папе это не понравилось. Фридрих ему в угоду повоевал с сарацинами в Сицилии, а в 1223 г. даже дал некоторого рода ручательство в том, что он непременно приведет в исполнение намеченный им крестовый поход; т. к. его супруга Констанция в 1222 г. скончалась, он помолвился с *Иолантой*, дочерью короля Иоанна Иерусалимского. И вновь всюду — в Англии, во Франции, в Германии — начались проповеди, призывавшие всех к участию в крестовом походе. В Германии по поручению само-

го Фридриха действовал в этом духе его друг, гроссмейстер Немецкого ордена, *Герман фон Зальца*. На этот раз едва ли замедление похода произошло по вине императора, т. к. этот поход представлял ему даже некоторые выгоды. По-видимому, и сам папа признал это, потому что в 1225 г. даже заключил с Фридрихом уговор, по которому выступление в поход было отложено, самое

Монета Фридриха II
(1215–1250).

позднее, на 1227 г. В случае же, если бы это выступление и тогда не состоялось, то и ему, и всему его государству грозило отлучение от церкви. Ближайшие два года Фридрих непрерывно пребывал в Италии. Ему удалось установить твердую власть в его Сицилийском королевстве и противопоставить там прочную правительственную организацию феодальной анархии. В 1226 г. он уже почувствовал себя настолько сильным, что мог

отнестись как полновластный владыка и император к притязаниям могущественных ломбардских городских автономий. Тем временем архиепископ Кёльнский Энгельберт был убит одним из своих родственников и на его место, в соправители и регенты к королю Генриху, был избран герцог *Людвиг Баварский*. Нелегко ему было справляться с этим молодым человеком, упрямым, капризным, расточительным, напоминавшим своими проделками юного Генриха IV. Точно так же, как тот, он тоже против своей воли был повенчан с австрийской принцессой. По приказанию императора он двинул из Германии войска к Равенне, но равеннцы и их союзники преградили дорогу юному Генриху. Поскольку предстоявший в близком будущем крестовый поход не давал возможности Фридриху вступить в долгую и трудную борьбу с ломбардскими городами, он принял посредничество папы и при его помощи вступил с ними в соглашение. Фридрих надеялся под предлогом крестового похода и искоренения еретичества усилить свою власть в Ломбардии, но на основании соглашения города обязались только поставить в войско императора 400 рыцарей и соблюдать мир.

В марте 1227 г. Гонорий умер. Его преемник *Григорий IX*, 80-летний старик, отнесся к крестовому походу с величайшей ревностью и всеми силами старался ускорить отправление императора в поход, который между тем успел обвенчаться с наследницей иерусалимской короны и действительно был готов приступить к походу. Большими толпами стали собираться весной и летом 1227 г. крестоносцы (преимущественно немцы и итальянцы) в окрестностях Бриндизи, места отплытия. Правильное снабжение этой громадной массы людей не было в достаточной степени обеспечено, им даже негде было укрыться от палящих лучей солнца, и вот среди них начались повальные болезни, от которых ряды воинов Христовых стали быстро редеть. Однако же главная масса войска в начале сентября отплыла в виде довольно значительной флотилии. Несколько дней спустя за войском последовал и сам император с ландграфом *Людвигом Тюрингским*. Однако им недолго пришлось пробывать в море: они оба отплыли в дальний путь не совсем здоровые, поэтому вернулись на

берег и высадились в Отранто, где ландграф и умер несколько дней спустя. При получении известия о возвращении Фридриха папа, уже давно недоверчиво относившийся к нему, жестоко прогневался на него. Он тотчас же поспешил отлучить императора от церкви, не принимая во внимание и не выжидая его оправданий, и немедленно возвестил всему христианскому миру в послании о своем безумном поступке. Фридрих со своей стороны ответил на это таким же посланием, в котором заявил, что отнимает у курии все области, уступленные ей как им самим, так и Оттоном IV. Со стороны папы посыпались новые проклятия, он разрешил крестоносцев от связывавшего их обета и еще раз подтвердил отлучение от церкви императора, распространявшееся и на все местности, которые он избрал бы для своего пребывания. А между тем Фридрих, еще на некоторое время задержанный неожиданной кончиной своей супруги Иоланты, спокойно закончил свои приготовления к походу и отплыл из Бриндизи в конце июня 1228 г.

Этот *пятый крестовый поход*, предпринятый отлученным от церкви императором, отличался от всех остальных тем, что в основе действий его главного вождя лежат не слепое религиозное рвение, не безумное мужество, а весьма спокойные и разумные политические соображения. Император воспользовался раздором египетского султана с дамасским эмиром и еще до своего отправления в поход уже вступил с ал-Камилем в дружественные отношения. Высадившись в Сирии, Фридрих собрал воедино разрозненные силы христиан (тамплиеры и госпитальеры вначале отказались действовать с ними заодно) и затем, не предпринимая никаких военных действий, заключил с ал-Камилем договор, который по отношению к святым местам заключал в себе все, что для христиан могло иметь значение. Султан возвратил всех христиан-пленников, уступил императору город Иерусалим в полную собственность, а к нему в придачу и другие святые места, как, например, Вифлеем и Назарет. Все побережье моря от Бейрута на севере до Яффы на юге осталось во владении Иерусалимского королевства, так что каждый, высадившийся в одной из этих гаваней, мог спокойно вернуться оттуда в отечество. За это и мусульманам была предоставлена в Иерусалиме *мечеть Омара* с ее окрестностью, в которой они должны были сходиться на молитву безоружные, и никому из христиан в эту окрестность входить не дозволялось. 17 марта Фридрих вступил в *Иерусалим*, где все его радостно приветствовали.

Пятый крестовый поход. 1228 г.

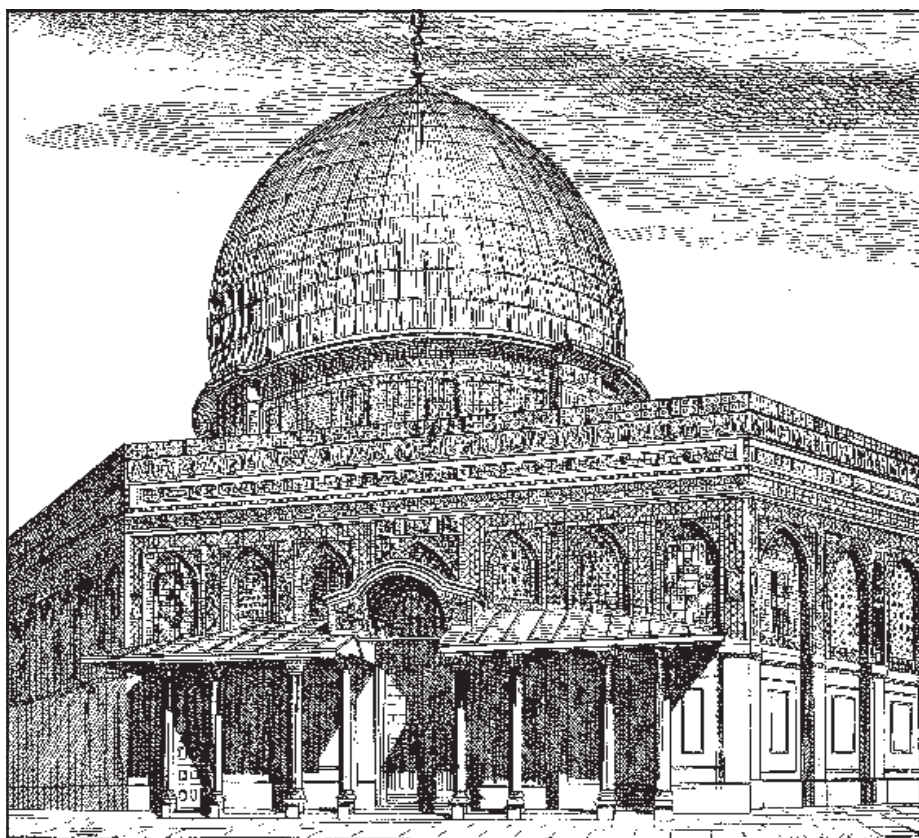
Приняв все необходимые меры для обеспечения и утверждения своих мирных завоеваний, Фридрих пустился в обратный путь и в июне 1229 г. вновь вступил на почву Апулии. А между тем папа всеми силами старался вредить императору, возбуждая против него его врагов, разрешая его подданных от данной ими присяги и даже собрав войско для борьбы с ним. Фридрих очень скоро доказал папе, что ему не под силу бороться с императором.

Возвращение Фридриха.

После краткого периода военных схваток обе стороны предпочли примириться. Примирение при посредстве германских князей состоялось в *Сан-Джермано* (1230 г.). Император дал полную амнистию всем приверженцам папы, поднявшим за него оружие, папа в свою очередь снял отлучение с

Примирение в Сан-Джермано. 1230 г.

императора и всех его сторонников и признал, что Фридрих участием в крестовом походе выполнил обет. Некоторое время спустя папа лично увиделся с Фридрихом в Ананьи, они долго беседовали между собой наедине (один только Герман фон Зальца присутствовал при этой беседе), и, по-видимому, вынесли из этого свидания обоюдно приятные впечатления.

Мечеть Омара в Иерусалиме.

По традиции закладка этой мечети приписывается праведному халифу Омару (634–644). В действительности построена в 691 г. на месте храма Соломона, над священной скалой, где якобы произошло жертвоприношение Авраама. Купол в 1190 г. перестроен.

**Немецкий
орден в
Пруссии.**

После Сан-Джерманского договора Италия по-прежнему продолжала привлекать внимание Фридриха II. Управление Германией он предоставил своему сыну Генриху, хотя между отцом и сыном не было ничего общего. Замечательно, что и в Германии в этот период городская жизнь стала быстро развиваться, хотя и не в той форме, как в Ломбардии, однако, несомненно, под

влиянием того, что происходило в ломбардских городах. Постепенно отношение этих городов к местным владетельным князьям и соблюдение общего мира как важнейшего государственного принципа стали важнейшими задачами внутренней политики. «Общий мир» не считался нарушенным частными распрями (*faida*) отдельных владельцев, которые не были лишены права воевать между собой, а т. к. в подобных междуусобиях не было недостатка, то один город за другим стал испрашивать себе или присваивать право постройки укреплений, и престономародье всюду виделось в этих огражденных стенами городах наиболее желательные и надежные убежища. Эти городские общины постепенно освободились от непосредственного ленного управления, и хотя все они развивались в этом направлении, однако во внутреннем строе представляли собой немалое разнообразие.

Немаловажно было и то, что около этого времени происходило на севере. Один из завислянских владетельных князей, *Конрад Мазовецкий*, состоял в постоянных враждебных отношениях с языческим племенем *прусов*, или боруссов, заселявшим низовья Вислы и морское побережье и беспрестанно производившим опустошительные набеги на его владения. Посоветовавшись со своими вельможами и епископами, Конрад решил прибегнуть к помощи «рыцарей черного креста» и отправил посольство к гроссмейстеру *Немецкого ордена* Герману фон Зальца, дружившему и с императором, и с папой. Гроссмейстер заручился у императора большими привилегиями по отношению к стране, которую собирался занять для ордена, а затем отправил нескольких «братьев», чтобы ближе познакомиться со страной и заключить с князем Конрадом Мазовецким необходимые предварительные условия. Только в 1226 г. была начата постройка первого замка (*Фогельзанк*) на новой территории, занятой рыцарями, и в замке поселено весьма небольшое количество рыцарей и служилых людей.

До какой степени успела в это время развиться самостоятельность отдельных сословий и городских общин, доказывают отчасти события, которые произошли в первой четверти XIII в. на границе Германии и *Дании*. В 1214 г., во время борьбы Фридриха с Оттоном IV, Фридрих формальным актом, данным в Меце, уступил все земли на северо-востоке между Эльдой и Эльбой до самого моря датскому королю *Вальдемару II*. Но местные владетельные князья и богатые пограничные города были недовольны уступкой такого обширного и богатого участка государственной территории датскому королю. На границе завяза-

Сакс-поселенец и пленный венд. По миниатюре из рукописи «Саксонское зеркало». Гейдельберг.

Сакса можно узнать по широкому ножу («sahe»). Венд (полабский славянин) отличается белой одеждой и башмаками с обмотками — обувью, которая считалась языческой и была строго воспрещена рыцарям Тевтонского ордена.

Отношения с Данией.

лась борьба и закончилась в 1227 г. тем, что целая коалиция северогерманских князей и городов (епископ Бременский, герцог Саксонский, графы Шауэнбургский и Шверинский, граждане Бремена и Любека и даже дитмарские крестьяне) нанесли Вальдемару II тяжелое поражение и заставили отказаться от уступленной ему территории. Вскоре после того городу Любеку удалось до-

Печать князя Конрада Мазовецкого.

Оттиск на воске, с тесемками красного шелка, на грамоте 1238 г.

Князь на коне, в латах и налатнике, на голове — остроконечный граненый шлем с пластиной, прикрывающей лицо. В левой руке у него щит, в правой — знамя с большим крестом, символизирующее подавление пруссов-язычников приглашенным им Тевтонским орденом. Надпись по кругу: «+ (S) CONRADI DVICIS... DVC... IRIE LACICIE».

биться от императора акта, по которому ему были даны большие вольности: по этому акту город был поставлен в личную зависимость от императора, и его изображение чеканилось на любекских монетах.

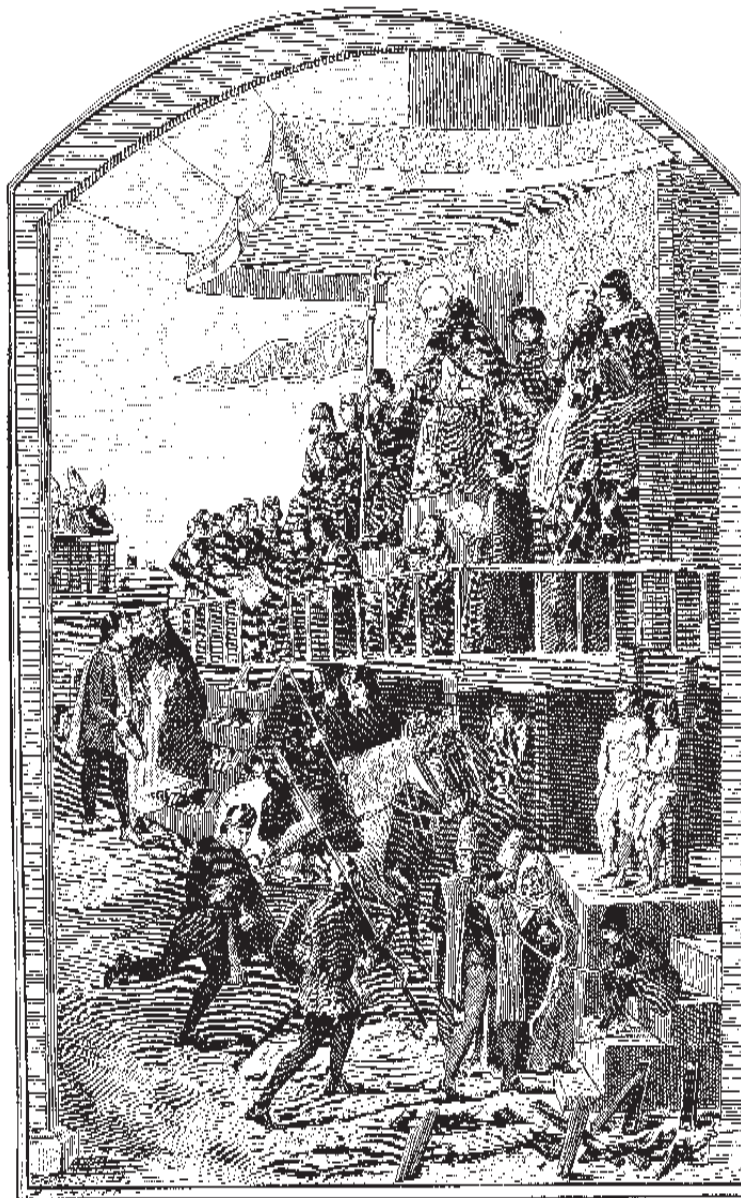
**Импера-
тор и го-
рода.**

Вообще говоря, Фридрих II оказывал покровительство городам и благоприятствовал развитию тех из них, на которые он мог влиять непосредственно. В этом отношении его германская политика совершенно отличалась от той, которой он придерживался в своем Сицилийском королевстве. В Германии правил его сын, Генрих, и между сыном и отцом готовилось столкнове-

ние. Генрих был окружен двором, в котором знать пользовалась преобладающим влиянием, ей подчинялся и сам Генрих и сообразно с этим заботился исключительно об удовлетворении крупных владетельных князей, пренебрегая интересами других сословий и городов. На рейхстаге в Вормсе (1231 г.) права этих владетельных князей (*domin terrae*, как они впервые были здесь названы) были значительно расширены, а городам строжайше воспрещено вступать во всякие союзы, коалиции и конфедерации, равно воспрещено давать у себя убежище гражданам, которые не имеют оседлости в самом городе и «состоят в какой бы то ни было зависимости от князей, знатных людей, министралов или церквей».

Аналогично этому в следующем 1232 г. сам император на рейхстаге в Равенне также принял меры для поддержания своей власти и значения. В силу новых положений Равеннского рейхстага все управление в епископских городах вновь было передано в руки духовных владетельных сановников, все старшины городских общин, советники и власти, которые были избраны гражданами без епископского одобрения, были признаны незаконными, все братства и сообщества, следовательно, и цехи, в которые объединились ремесленники, уничтожены. Этим путем Фридрих старался укрепить связь с крупными владетельными князьями и епископами, сознавая, что они еще представляют грозную силу, а городской элемент населения еще не успел окрепнуть настолько, чтобы на него можно было опереться. По отношению к ломбардским городам, которым эти реакционные законоположения не могли нравиться, Фридрих старался обеспечить себя теснейшим сближением с папой, в угоду которому издал необычайно жестокий *закон против еретичества*. Сама церковь, правда, не проливала крови, ее судьи только расследовали и произносили приговор, а затем передавали виновного в руки мирской власти. Тот, кто изъявлял готовность возвратиться в «лоно единой церкви», обрекался на вечное заточение, но вообще за еретичество назначалась смертная казнь, а дабы искоренить зачатки «еретической заразы» в Германии, по равенским законоположениям, направленным против ересей, — и укрыватели, и покровители еретиков подвергались одинаковой с еретиками смертной казни, и даже дети и внуки еретиков лишались всяких своих прав на лены, должности и почести. Только одно исключение из правила допускалось этими варварскими законоположениями — им не подлежали только те дети еретиков, которые сами уличали своих родителей в еретичестве. И эти законоположения — увы! — вполне соответствовали духовным потребностям действительности того времени! Не только в Италии и Южной Франции, но и в Германии уже проявлялась готовность яростно преследовать мнимые отступления от догматов церкви, и гессенский монах-францисканец *Конрад Марбургский* уже странствовал всюду, пламенно проповедуя гибель еретикам. Он всецело был поглощен своей религиозной миссией: ни корысть, ни внешние почести его не привлекали — он стремился только к тому, чтобы как можно больше еретиков увидеть на пылающих кострах. Само собой разумеется, что при подобном яростном преследовании еретичества ни о какой справедливости не могло быть и речи. Сердца судей были недоступны

Равеннский рейхстаг.

Аутодафе под руководством святого Доминика. По картине Педро Беррукете (конец XV в.).

никакому чувству: они смотрели и не видели ничего, кроме того, что представлялось в воображении их фанатизму: по их воззрениям каждый обвиненный в еретичестве был уже в нем виновен, не принималось во внимание даже то, что обвинение нередко могло исходить от зависти, ненависти и своекорыстных расчетов обвинителя. Сам Конрад, ослепленный своим безумным рвением, не обращал ни на что внимания, пока, наконец, не вызвал против себя взрыв отчаяния. Невдалеке от Марбурга этот изувер был убит во время волнений. В какой степени и как быстро эта борьба против ересей извращала все нравственные воззрения — доказывает нам война против *штедингов*, поселян, живших к западу от низовьев Везера. Они просто отказались от выполнения некоторых своих обязательств по отношению к графу Ольденбургскому и архиепископу Бременскому. Тогда нашли, что они отрекаются от повиновения папской власти. На местном соборе этих несчастных обвинили в ереси и против них пошли крестовым походом. Штединги, пользуясь благоприятными условиями местности, отчаянно защищались. Наконец в 1234 г. против них было двинуто войско, предводимое герцогом Брабантским и графом Голландским, оно и привело в исполнение приговор собора, истребив «без различия пола и возраста» все население.

После пятнадцатилетнего отсутствия император вынужден был вернуться в Германию, потому что его сын Генрих, давно уже не ладивший с отцом, поднял против него бунт. Поводом к которому послужило то особое расположение, которое отец выказывал своему младшему сыну от второго брака *Конраду*, а также высказывания Фридриха по поводу некоторых правительственных мероприятий сына. Тот опирался главным образом на *министериалов*, низшее дворянское сословие, которое со времен Генриха IV при быстром возрастании могущества князей утратило всякое значение. При этом он выказал себя также сторонником городских общин и вступил в отношения с ломбардскими городами, и его манифест, объявлявший во всеулышание о его разрыве с отцом, был сочувственно встречен многими недовольными. Но сочувствием все дело и ограничилось. Едва только император Фридрих явился в Германию, попытка Генриха сопротивляться оказалась тщетной. Отец его справился с возмущением, даже не принимаясь за оружие. Сын по зову отца явился в Вормс в июле 1235 г., был посажен в заточение, пытался бежать и потом был отправлен в Апулию, где вскоре после того (1242 г.) и умер в заточении, на 31-м году. Это грустное событие не помешало императору Фридриху извлечь из своего пребывания в Германии пользу: он вступил в третий брак с английской принцессой *Изабеллой*, сестрой короля Генриха III. Встреча нареченной невесты в Кёльне и свадебное пиршество в Вормсе сопровождалась празднествами и блестящими рыцарскими турнирами в июле 1235 г.

Несколько недель спустя духовные и светские сановники собрались в *Майнце* на съезд. Здесь законодательным актом был установлен *повсеместный мир*, по которому и частное право войны между отдельными владельческими лицами было значительно ограничено: к насилию мог прибегать лишь тот, кто, предварительно заявив о своем требовании судье, не получит удовлетворения по закону. Тогда он «среди бела дня» должен предъявить свою

**Фридрих в
Германии.
1235 г.**

**Майнц-
ский по-
всемест-
ный мир.**

претензию противнику, и затем еще четыре дня обе стороны в ожидании мирного исхода дела должны воздерживаться от всякого насилия. Нарушение договора, скрепленного присягой, наказывалось отсечением правой руки. Для разбора тяжб был учрежден постоянный трибунал с коронным судьей во главе; этот судья (*justiciarius curiae*) разбирал тяжбы от имени императора, и его решения заносились нотариусом в книгу, дабы они могли в подобных

Фрисландские крестьяне приносят дары святому Павлу. Фреска Мюнстерского собора середины XIII в.

Представители семи фрисландских сельских округов, входящих в Мюнстерскую епархию, преподносят святому Павлу (покровителю собора) масло, сыр и домашних животных. Коленопреклоненные старшины протягивают ему лукошки с золотыми монетами.

случаях служить прецедентами. Император удерживал за собой право личного разбирательства особенно важных дел и тяжб между «высокопоставленными лицами». Таким образом было положено начало будущего государственного права и сборника его законоположений.

На том же рейхстаге удалось устроить примирение с вельфским домом. Наследником Генриха, последнего из сыновей Генриха Льва, был его племянник **Оттон Люнебургский**: Фридрих образовал новое герцогство из Брауншвейга, Люнебурга, Гослара и нескольких других областей, сделал его наследственным по мужскому и женскому колену и отдал в лен Оттону. На следующий день Фридрих задал всем князьям и рыцарям пир и шумный, богатейший праздник и тем самым окончательно расположил их к благоприятному решению еще одного, последнего вопроса на этом важном рейхстаге — к принятию участия в общем *походе против ломбардских городов*, которые дерзнули вступить в союз против него с его мятежным сыном.

Примирение с Вельфами.

Против Италии теперь излилась вся злоба и ненависть Фридриха; этими чувствами был проникнут и манифест, в котором заявлялось о начале военных действий против федерации ломбардских городов. Он видел «особый божественный промысел в том, что ему удалось подчинить своей власти Иерусалимское королевство, Сицилийское королевство и умиротворить господствующую над остальными странами Германию, и теперь только середина Италии,

Фридрих
в Италии.

хотя и отовсюду окруженная его могуществом, противится своему воссоединению с империей». Видно, что он имел ясное представление о том, что мы теперь называем «монархическим принципом», а в письме к французскому королю он настолько же ясно высказывает свои понятия о солидарности монархических интересов, порицая «высокомерие и избыток (*luxuria*) известного рода суетных представлений о свободе», которую ломбардские города будто бы предпочитают спокойному и мирному положению, и по этому поводу заявляет королю, что намерен «искоренить это вредное растение», которое начинает уже распространяться и по соседним странам.

Фридрих обладал ясным и положительным умом и без сомнения был из всех германских императоров наименее способным к каким бы то ни было идеалистическим теориям и фантастическим планам. Такое настроение его ума и практической деятельности лучше всего видно в том устройстве, которое он дал своему *Сицилийскому королевству*. И действительно, в этой стране, раздираемой анархическими стремлениями, он сумел создать правильно построенное государство, дать общую и весьма основательную форму правления для разнообразных народов, живших на территории этого королевства. Феодалные власти он лишил всякого значения. Никому не дозволено было носить оружие, кроме королевских чиновников и их служащих. Все королев-

Устройство
Сицилийского
королевства.

ство было поделено на 9 провинций, с сословными собраниями и правом обложения податями, с благоустроенными финансами. Королевские чиновники ведали правосудием, суды во всех провинциях были свои, особые, и один общий для всех провинций, высший королевский суд, с главным королевским судьей во главе (*magnus justiciarius regis*). Варварский обычай судебных поединков в Сицилийском королевстве был уничтожен. Лицам, желавшим получить государственные должности или даже заняться частной деятельностью, более или менее ответственной (например, медицинской практикой), доступ к подобной деятельности был открыт только при посредстве государственного экзамена, а необходимые для этого сведения можно было получать в Салерно или в новоучрежденном (1224 г.) *Неаполитанском университете*. За порядком и общественной безопасностью наблюдала хорошо организованная полиция, а постоянное и притом весьма преданное Фридриху войско было им создано из им же покоренных сицилийских мусульман, и это войско было особенно ценно для него неспособностью пугаться самой страшной из угроз — отлучения от церкви и тех проклятий, на которые папы в последнее время были так щедры по отношению к императорам.

Поход
против
Фридри-
ха Авст-
рийского.

Фридрих II (1215–1250). Статуя, некогда установленная возле Римских ворот в Капуе. Впоследствии была сброшена и повреждена. Позже помещена в Капуанский музей.

Уже в итальянском походе Фридрих вынужден был показать пример строгости на одном из нарушителей «общего мира», установленного на Майнцском рейхстаге. Против герцога Австрийского, *Фридриха II Строптивого*, который не хотел знать законоположений этого рейхстага, был произнесен приговор изгнания, и выполнение приговора возложено на враждебных ему соседей — короля Вацлава I Чешского и герцога Баварского. В Италии, где внутренние раздоры никогда не прекращались, Фридрих очень ловко воспользовался ими, поручив на первое время ведение борьбы против ломбардских городов (Милана, Брешии, Мантуи, Болоньи, Падуи, Виченцы, маркграфа д'Эсте и Бонифация Монферратского) своим приверженцам и итальянским союзникам, а сам с главными силами направился в Австрию, чтобы поскорее покончить начатую там войну. Он прибыл в Вену, которая уже в 1236 г. открыла ворота императорским войскам. Принятый населением весь-

ма торжественно, он оставался в Вене ровно три месяца, собрал здесь съезд князей, которые избрали его 9-летнего сына Конрада в «короли Римские и будущие императоры»; затем *Австрию*, *Штирию* и *Крайну* присоединил к империи, а Вену причислил к имперским городам и наградил ее население такими вольностями и привилегиями, какими пользовались в империи немногие города. В довершение всего в Вене был основан *университет*.

После этого управление государством было передано в руки архиепископа *Зигфрида Майнцского*, как «архиканцлера и прокуратора Священной Римской империи», а сам император направился в Италию, где после тщетной попытки завязать переговоры в декабре 1237 г. нанес решительное поражение Ломбардской федерации при *Кортенуове* на реке Ольо. Ломбардцы потеряли убитыми около 10 тысяч человек, а на отбитой у них повозке со знаменем был привезен в Кремону взятый в плен подеста главенствующего города Милана. Быть может, именно теперь удобнее всего было бы заключить мир на снисходительных условиях. Но Фридрих придал слишком большое значение своему успеху и потребовал безусловного повиновения. Действительно, города сдавались ему один за другим; войско у него было собрано сильное и многочисленное; в нем были и английские, и французские, и испанские рыцари, — и с этой силой Фридрих надеялся окончательно сломить сопротивление, которое еще оказывали ему некоторые города. Однако же поход 1238 г. закончился неудачей: Фридрих в течение трех месяцев напрасно осаждал *Брешию* и наконец вынужден был снять осаду. Первым следствием этой неудачи было то, что его войско стало быстро редеть, т. к. его покинули все, кто рассчитывал на победу и добычу. А тут и папа поднялся против императора. Давно уже недовольный самовольными распоряжениями Фридриха, папа окончательно разгневался, когда Фридрих отдал одному из своих побочных сыновей *Сардинию*, которую папа считал леном святого Петра. И когда Фридрих оставил без внимания все жалобы папы, представленные ему папским легатом в Кремоне, — папа Григорий IX в обширном послании отлучил императора от церкви, «предав сатане его тело на погибель, дабы спасти — если возможно — его душу».

И вот началась горячая распря: обе стороны непрерывно обменивались посланиями, и в этой полемике впервые проявились такие идеи, о которых в прежнее время не было и помину. В своем ответе на послание, которому Фридрих также придал форму циркулярной ноты ко всем христианским державам, он требовал общего собора, на котором мог бы предъявить со своей стороны имеющиеся у него против папы обвинения. При этом он взывает ко всем государям, приглашая их быть с ним заодно, т. к. в его лице, императора Римского, всем им нанесена обида. Папа отвечал на эту императорскую ноту новым посланием, в котором возводил на Фридриха всякие небылицы. Так, например, сравнивая его личность с «чумной заразой», он обвиняет его в страшном богохульстве и отрицании основных христианских догматов; а затем возводит на него и такое — весьма опасное по тому времени — обвинение: будто тот заявлял, что человек не должен ничему верить, чего не может исследовать путем умозаключений. Для характеристики того времени важно

Битва при Кортенуове. 1237 г.

Новая борьба между папой и императором.

уже то, что подобные идеи были тогда высказаны: это несомненно доказывает, что вера в церковное учение начинала колебаться, и надо предполагать, что подобные колебания были до некоторой степени следствием крестовых походов, во время которых крестоносцы успели познакомиться с магометанскими верованиями, суевериями и даже неверием и сравнить все это со своими религиозными понятиями и воззрениями. Точно ли позволял себе Фридрих высказывать мысли, навязываемые ему второй папской энцикликой, — неизвестно, хотя он, как человек живой, любил споры, и в споре, среди кружка доверенных лиц, у него могли срываться иногда весьма смелые фразы. Даже строгое преследование ересей, проводимое им, не служит доказательством в его пользу, т. к. во все времена высокопоставленные люди допускали по отношению к себе такое свободомыслие, за проявление которого строго взыскивали с подчиненных и ниже стоявших в общественном положении людей. Однако Фридрих не замедлил с ответом и на вторую энциклику, на «эти басни лженаместника Христова», — и ответил сильно и энергично. Оказалось, что папское отлучение на этот раз произвело на общество весьма слабое впечатление; попытка создать коалицию против Фридриха из преданных папе немецких князей не удалась. Германские прелаты старались всеми силами действовать как примирители: притом и *гибеллины* (партия императора) всюду в Италии торжествовали над врагами Фридриха. Сам император в начале 1240 г. был уже недалеко от Рима. Переговоры ни к чему не привели, т. к. папа потребовал, чтобы и «ломбардские мятежники» были включены в условия общего мира. Ввиду такой неудачи он созвал в Риме общий собор и стал высматривать между князьями такое лицо, которое он мог бы в качестве претендента на престол противопоставить Фридриху. Но и тут папе не посчастливилось. Граф *Робер д'Артуа*, брат французского короля Людовика IX, категорически отказался от роли, которую ему хотел навязать папа, а когда множество французских, английских, испанских и итальянских епископов и прелатов в апреле 1241 г. сели в Генуе на корабли, чтобы отправиться на собор в Рим, флот *пизанцев*, преданных императору, заградил им дорогу, вынудил их принять сражение и завладел 20 кораблями из 27. В числе пленных находилось много высших церковных сановников, которые вместе с двумя папскими легатами были отправлены по приказанию императора в Неаполь.

Слухи
о нашествиях
монголов.

В это время до отдаленного Запада дошли слухи о новой грозившей европейскому миру опасности. Страшная волна *татарского* нашествия, сломившаяся о русскую грудь, чуть задела юго-восточную окраину европейских государств. Ничтожная часть монгольской орды заглянула в Венгрию и в Силезию, развеяла прахом выставленные против нее венгерские и силезские рыцарские дружины и вновь отхлынула в привольные степи русского Юга, оставляя после себя следы опустошения и грозные слухи о возможности грядущих нашествий. По Европе молнией пронеслись имена *Чингисхана* и *Батыея* и вызвали общий, потрясающий ужас. Все заговорили о необходимости объединения папы и императора против монголов, все спешили сплотиться около папы и императора, с которым по этому случаю примирились даже такие его ожесточенные враги, как, например, герцог Фридрих Австрийский.

А между тем распря между императором и папой продолжалась. Кое-какие упования на ее прекращение появились тогда, когда старый и раздражительный Григорий IX скончался — как раз в то время, когда императорское войско находилось уже близко от Рима. Однако новый выбор папы затянулся почти на два года, до июня 1243 г., и два года Фридрих стоял на высоте величайшего могущества, внушавшего опасения даже соседним государям. Наконец выбор пал на знатного генуэзца Синибальдо Фьески из графского дома ди Лаванья. Он издавна дружил с императором, и можно было надеяться, что и теперь не станет относиться к нему враждебно. Однако Фридрих, по-видимому, не склонен был обольщать себя суетными надеждами: когда его стали поздравлять с выбором нового папы, он отвечал коротко и сухо, что «ни один папа не может быть гибеллином». Однако он выказал себя весьма примирительно настроенным и тотчас вступил с новым папой *Иннокентием IV* в переговоры, которые длились в течение всего 1243 г., сопровождаемые приостановкой военных действий. Император спешил с окончанием переговоров, т. к. до него доходили весьма неблагоприятные слухи из Германии¹, и в марте 1244 г. переговоры продвинулись уже настолько, что двое комиссаров Фридриха — высшие представители правосудия в его королевстве, *Петр де Винеа* и *Фаддей из Сессы* — уже отправились в Рим для принесения присяги по предварительным пунктам обусловленного мирного соглашения. А между тем обе стороны хитрили и не доверяли друг другу и зорко следили за обоюдными действиями. Фридрих из хода переговоров вывел заключение, что папа, следуя путем своих предшественников, стремится к абсолютной, безусловной власти, с которой возможно соглашение только на почве безусловного повиновения, к которому он не чувствовал расположения и готовности. С другой стороны, и папа не мог оставаться равнодушным к быстрому усилению императорской власти. И вот в то самое время, когда он прикидывался, что готовится к личному свиданию с императором, он приказал небольшой генуэзской эскадре приплыть в гавань Чивитавеккиа близ Рима, сел на корабль и отплыл в Геную, а оттуда направился в Лион, город, который de jure принадлежал к империи, а на самом деле как резиденция архиепископа был почти независим.

**Иннокентий IV.
1243 г.**

Прибыв сюда и обезопасив себя таким образом от случайностей, которые мог организовать могущественный император, папа всюду разослал (1245 г.) приглашения духовенству явиться на *собор в Лион* для обсуждения различных вопросов: опасности грозившего татарского нашествия, еретичества, бедствия, постигшего Иерусалим, который вновь попал под власть неверных, а также его распри с Фридрихом, которого он даже не называл императором, а просто «*гипсера*». Этот шахматный ход папы мог оказаться весьма опасным для императора; в Лионе Иннокентий при общем настроении галльского духовенства мог смело рассчитывать на преданное ему большинство. В Германии важнейшие духовные сановники, архиепископы Майнцкий и

**Собор в
Лионе.
1245 г.**

¹ Тот самый архиепископ Зигфрид Майнцкий, которого он поставил правителем государства, стал в оппозицию против него во главе большой партии.

Кёльнский, во главе враждебной императору партии только выжидали удобного момента, чтобы выставить своего претендента на королевский престол. Фридрих нашел возможным со своей стороны принять только одну меру предосторожности: он послал на лионский собор надежнейшего из своих приверженцев, Фаддея из Сессы, обладавшего так же даром красноречия. Посол императора по поручению своего господина не жалел обещаний и посулов: он указывал на то, что Фридрих еще раз согласен принять на себя тяжкий труд освобождения Святой земли от неверных, и даже сообщил, что английский и французский короли готовы за него поручиться... Но папа отлично понимал выгоды своего положения и отклонил все заманчивые обещания императора, особенно ручательство королей, тонко заметив, что император, пожалуй, и «их подведет под духовное наказание, и тогда папе придется иметь дело уже не с одним врагом церкви, а с тремя». Из этого нетрудно увидеть, что речь шла вовсе не о христианстве, о решении не церковных задач и вопросов, а задач чисто политических. Все остальные вопросы, действительно, были на соборе отложены и отодвинуты на второй план, и папа, упоминая о язвах, раздиравших церковь, главным образом напирал на те «невероятно дерзновенные поступки» (*enormitates*) императора, которыми, по его словам, были потрясены основы церкви. При этом он пригрозил проклятием каждому, кто задумал бы противоречить ему, как, например, патриарх Аквитанский, дерзнувший напомнить ему о том, что «мир покоится на двух столпах — папе и императоре». Уже на третьем заседании собора, после исчисления всех вин и четырех смертных грехов императора¹, папа поднял вопрос о его низложении, и этот вопрос был решен утвердительно громадным большинством присутствовавших на соборе епископов. Одновременно с решением этого вопроса все присягавшие императору в верности освобождались от данной ими присяги, и к этому пункту добавлялось: «Те, кому о том ведать надлежит, могут избрать ему преемника в империи, а по отношению к королевству Сицилийскому мы поступим по нашему собственному усмотрению».

Ответ
импера-
тора.

Император не оставил без ответа решение собора. В циркулярной ноте к князьям и государям он опроверг взведенные на него обвинения в еретичестве и смертных грехах, но заимствовал у еретиков оружие, которого западная церковь более всего опасалась. С особой настойчивостью он указывает на извращение деятельности духовенства и на слишком большое увлечение церкви мирскими делами, причем она заботится главным образом о накоплении громадных богатств. Он, не стесняясь, говорит о том, что всегда намеревался и теперь считает необходимым низвести духовенство до *смирения*, в каком некогда пребывали апостолы, а за ними и вся ранняя христианская церковь. Изъятие этих пагубных земных богатств он, мол, считает делом полезным даже в смысле общей христианской любви: одним словом, он поднимает вопрос о *реформе в церкви* и полагает, что эта реформа должна быть произведена властью светских князей. Само собой разумеется, что это были

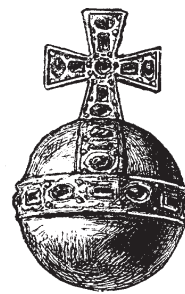
¹ В том числе и «кошунство», которое папа видел в пленении прелатов, пльвших из Генуи в Рим.

не более чем громкие фразы, в которые и сам Фридрих никогда не верил, отлично сознавая, что епископов, бывших на его стороне, привязывает к нему, конечно, не стремление к простоте и смирению первых времен христианства, а вполне мирское влечение и соблазны.

Тогда германские духовные сановники сбросили с себя личину, которую долго сохраняли: в мае 1246 г. в Вюрцбурге был избран в короли тот ландграф Тюрингский *Генрих Распе*, которого еще в 1242 г. Фридрих поставил правителем на время своего отсутствия. Избрание состоялось главным образом духовенством, почему новоизбранный король и получил название «*короля клириков*» или «*папского короля*». Под влиянием духовенства и нищенствующих орденов монашества, которые особенно ревностно прославляли это избрание, на сторону Генриха перешло все низшее духовенство. Но все князья, верно оценивая могущество Фридриха, остались на его стороне. Первая битва нового короля с королем Конрадом, сыном Фридриха, произошла близ Франкфурта, и в ней перевес был на стороне Генриха, который тотчас же поспешил написать своим союзникам миланцам, что надеется точно так же одержать победу и над отцом. А между тем император Фридрих ввиду надвигающейся опасности поспешил войти в теснейший союз с *баварским домом* при помощи женитьбы своего сына Конрада на дочери герцога Оттона, который находил также свои чисто династические и территориальные интересы в сближении с императорским домом. Таким образом, борьба папы с императором стала разрастаться все шире и привлекать к себе все большее количество владетельных князей. Папа никому из них не давал покоя, то рассылая свои послания, то увещевая их через своих легатов в необходимости вступить за интересы церкви. Говорят даже, будто самого египетского султана папа старался отвлечь от дружественных отношений к императору Фридриху.

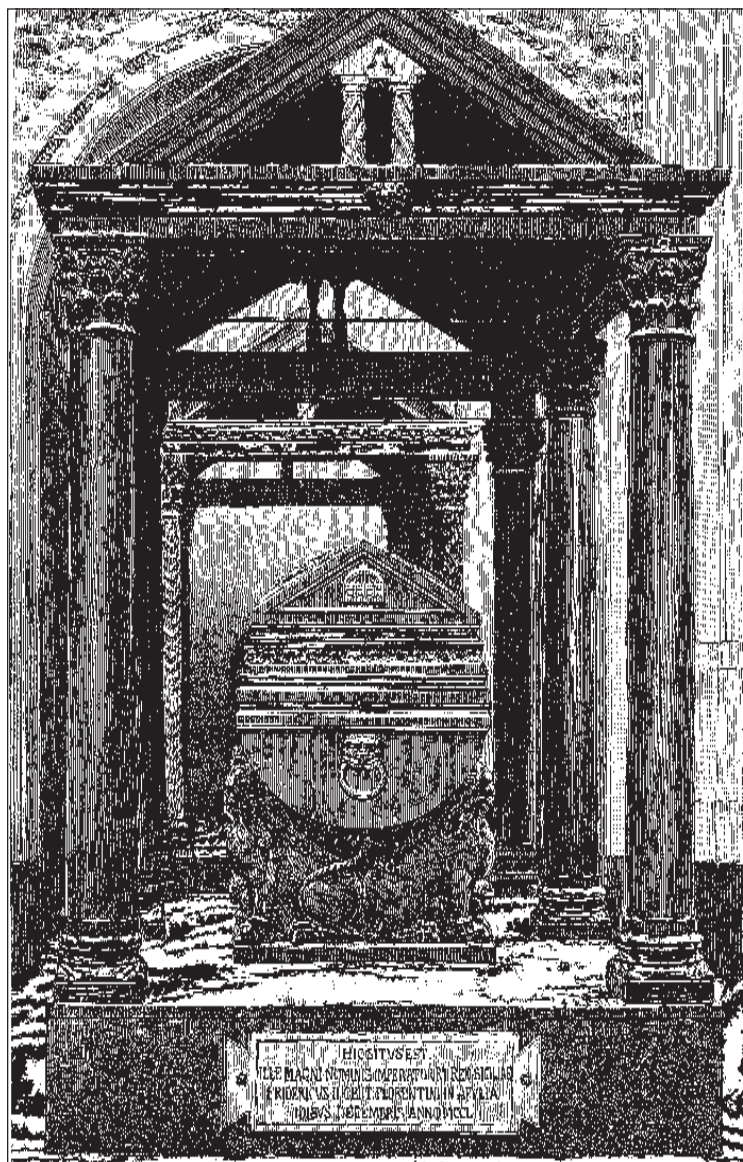
Но, несмотря на все рвение, оказанное папой в этой борьбе, он не мог похвалиться особыми успехами. Поощряемый им выдвинутый против Фридриха претендент быстро окончил свою не вполне славную карьеру: в начале 1247 г., возвратившись в Тюрингию из похода в Северную Германию, несколько недель спустя он скончался в Вартбурге. Людовик IX, король Франции, на которого папа рассчитывал, не захотел вступить в борьбу с Фридрихом, т. к., видимо, не сочувствовал папе в этой распре и собирал все силы для нового крестового похода, который не мог бы совершить без поддержки со стороны императора Германии. В Англии общественное настроение высказалось против папы. Папе удалось выставить нового претендента на королевский престол в Германии в лице графа *Вильгельма Голландского*, избранного весьма ограниченным числом князей. Ему удалось переманить на свою сторону город Кёльн, которому он даровал новые привилегии, затем занять Аахен, после долгой осады. Но далее местностей, лежавших по среднему те-

**Германия.
Новый избранник.**

Держава германских императоров. Входила в состав императорских регалий Священной Римской империи.

**Борьба в
Германии
и Италии.**

Гробница Фридриха II в соборе Палермо.

Надпись: «Здесь покоится достославный император и король Сицилии Фридрих II, умерший в Фиорентино в Апулии 13 декабря 1250 г.».

чению Рейна, его влияние не простиралось. В Италии борьба ознаменовалась отпадением важного города *Пармы* от императора, что вынудило Фридриха немедленно приступить к осаде города. Для этой цели он выстроил под стенами Пармы для своего войска временный городок, которому самонадеянно дал название «город Победы» (*Victoria*). Парма действительно вскоре была доведена до крайности; тогда осажденные решились на отчаянно смелую вылазку, врасплох напали на Викторию, сожгли ее, захватив при этом многих знатных пленников, в том числе и Фаддея из Сессы, уполномоченного Фридриха на Лионском соборе. Фридрих вынужден был отступить в Кремону, не потеряв бодрости духа от этой неудачи, и в своем Сицилийском королевстве стал готовиться к новым и обширным вооружениям.

До какой степени неразборчивы были участники этой запутанной борьбы в средствах для достижения своих целей — видно из того, что случилось в 1249 г. с одним из ближайших помощников и доверенных советников императора, Петром де Винеа, который так много потрудился над устройством Сицилийского королевства. Он был заподозрен в сговоре с заговорщиками, которые замыслили отравить императора. Заговор был вовремя открыт, и Петр де Винеа, из низов поднявшийся до значения первого министра, был по приказанию императора ослеплен и вскоре умер. В том же году Фридрих потерпел и другую неудачу: его побочный сын *Энцо* (или Гейнц), правивший Сардинией, попал в засаду болонцев и был захвачен ими в плен. Но эта неудача была заглажена успешной битвой под стенами Пармы, причем императорские войска отбили у гордых пармских граждан повозку с их знаменем.

Неутомимый в борьбе, Фридрих лично собирался принять в ней участие, но в декабре 1250 г. скончался в замке Фиорентино, близ Лючеры. Из всех его сыновей один только *Манфред* присутствовал при его кончине. Он успел перед смертью написать завещание; дружественный ему архиепископ Палермский признал его членом церкви, исповедал и дал ему отпущение грехов. Говорят даже, будто он умер, облаченный в монашескую рясу, примиренный с церковью и успокоенный духом. Этот замечательный и чрезвычайно разносторонний человек обладал необычайно живым и подвижным умом, проявлял большую любознательность, легко усваивал знания и так же легко излагал их в оживленной и легкой речи. При этом он проявлял расположение к науке, логике, медицине, естествознанию, обладал довольно значительной библиотекой, в которой, между прочим, находились греческий и арабский экземпляры произведений Аристотеля. Ему приписывается книга о соколиной охоте и итальянское стихотворное произведение, а циркулярные ноты и памятные записки, в составлении которых он принимал большое личное участие, доказывают в нем несомненный и довольно значительный публицистический талант. Особое удовольствие он находил в спорах, в оживленном изложении разных воззрений. Это расположение к диспутам на многих производило такого рода впечатление, будто он и сам разделяет мнения, к которым так охотно прислушивается. Один из магометанских послов, посетивших его двор, нашел даже, что Фридрих питает большое расположение к мусульманам, и, может быть, поэтому церковь, даже до полного разрыва с ним, никогда не

Петр де Винеа.

Смерть Фридриха II. 1250 г.

верила в твердость его религиозных убеждений. И для этого было некоторое основание: он слишком много размышлял о религиозных предметах, слишком вдавался в споры догматического характера, гораздо более, чем то могло быть допущено церковью и ее руководителями в особе государя. Большим недостатком Фридриха была двойственность, неустойчивость его нравственного существа, преисполненного самых резких противоречий: вольнодумство и преследование ересей, строгое отношение к окружающим и собственная распущенность — все это одновременно уживалось в нем и должно было отталкивать многих. Возможно, эта его неровность происходила именно от той дурной обстановки, среди которой ему пришлось вырасти и развиваться: в этой обстановке честность и прямота, столь редкие во всякое время, были немыслимы. Он рано научился рассчитывать, хитрить и лицемерить, прибегать ко всякого рода уловкам, легко и щедро рассыпать обещания и играть своим словом. Несмотря на все это, в нем едва ли можно признать только хитрого политика и дипломата. В своей борьбе с папством он выказал себя человеком государственным, способным твердо и убежденно отстаивать самостоятельность светской власти против гнета папства. Большой ошибкой Фридриха было то, что он придавал слишком большое значение своему императорскому сану и, стараясь всеми силами это значение поддержать, разбрасывался, путался в бесчисленных и сложных отношениях и в то же время пренебрегал началами, которые уже стали проявляться в жизни его родной страны. Так, например, он не сумел воспользоваться пробуждающейся самостоятельностью городской и сословной жизни, как и многими другими многообещающими задатками развивающегося народного самосознания. Упорно держась крупных владетельных князей, он в то же время, похоже, не сознавал, что его власть как императора будет падать и терять значение по мере того, как возрастает власть князей, с одной стороны, а с другой — что и остальные сословия начнут заявлять вполне законные притязания на участие в жизни государства.

Конрад IV.
1250—
1254 гг.

Велика была в папском лагере радость по поводу смерти грозного врага, которого ненавидевший его Иннокентий IV оценивал по достоинству: недаром он сказал при вести о смерти Фридриха, что теперь «бурный вихрь превратился в нежный ветерок». Он тотчас покинул Лион и вернулся в Италию. А для сына Фридриха *Конрада IV* (1250—1254) величайшим бедствием оказалась необходимость борьбы в Италии из-за сицилийских владений, наследственных в его доме. Неохотно он принялся за продолжение этой безнадежной борьбы, среди которой скончался его отец: он понимал, что о примирении с папой нечего и думать, т. к. и он, и вся вельфская партия поклялись погубить династию Штауфенов. В 1251 г. 26-летний король, при помощи своего (не единоутробного) брата Манфреда, явившись в Италию, подавил восстание и отстоял свои права. В 1253 г. он даже завладел последним оплотом мятежников — крепким городом Неаполем. Но эти успехи оказались совершенно бесплодными, т. к. уже в мае 1254 г. он умер в Лавелло (в Апулии). Наследником остался двухлетний мальчик, его сын *Конрад* от брака с Елизаветой, дочерью герцога Оттона Баварского.